СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ
г. Минск
25 июн 1987

ОПЯТЬ НЕ КО ВРЕМЕНИ?..

Почему лихорадит Гомельский областной драматический театр

Там вот сложилось в последнее время: из всех областных театров республики меньше всего жаловала своим вниманием театральная критика Гомельский. И не потому, что его постановки уж совсем не заслуживали того. Чаще причины — вовсе не творческого характера. Соберешься поехать посмотреть его спектакли, а кто-то из товарищей, руководящих или просто сведущих в театральных делах, советует: «Не ко времени... Там только сняли главного режиссера, стоит ли сейчас писать!». Или: «Не ко времени... О чем писать! Там только что назначен новый главный режиссер, надо бы дать ему возможность поработать...»

Год назад мне дали тот же совет. Добавив: «Там еще руины дымятся...»

Действительно, коллектив театра был взбудоражен, как после большого пожара: и заботы — погасить бы угли, чтоб снова не вспыхнуло, и поиск причины — отчего загорелся весь сыр-бор.

Очередная смена главных режиссеров! Нет, тут случай другой, прямо-таки уникальный: за полтора года в должности главрежа побывало трое, да еще четвертый — исполняющим обязанности.

В поисках причин «пожара» я встречался со многими людьми, имевшими вчера и сегодня имеющими самое непосредственное отношение к Гомельскому драматическому театру. И, наверное, правильно будет, если в самом начале этих заметок будет предоставлено им слово.

Сергей Павлович ОСТРОУМОВ, заслуженный деятель культуры БССР:

— В тридцать девятом году наш театр родился. За два года мы показали добрый десяток премьер — гоголевский «Ревизор», чеховская «Чайка», горьковская «Васса Железнова», «Кто смеется последним» Крапивы, «Падь серебряная» Погодина, «Машенька» Афиногенова... Ни одной случайной, проходной пьесы! Почему я акцентирую это? Потому что в репертуаре театра вот уже многих сезонов вижу одну из причин его сегодняшнего кризиса. В афише — мелодрамы да комедии, лишь бы посмешить, зазвать зрителя... Четыре года наш театр был фронтовым. До самой Победы! Не все пришли с войны... Когда мы с Евгением Полосиным вернулись в Гомель с Третьего Белорусского, лишь четырнадцать артистов собралось. Они-то и возродили театр, привнеся в него бесценный опыт огненных лет... А спросите сейчас в театре: кто знает его прошлое, традиции? Мало кто ответит. Не зная прошлого, можно ли уверенно строить настоящее? И с чем собирается театр встретить уже в близком восемьдесят девятом свое пятидесятилетие? Одиннадцать лет назад стараниями Николая Ивановича Малиновского был открыт музей театра. Где он сейчас? Нету... Теряя традиции, театр теряет свое лицо.

Николай Иванович МАЛИНОВСКИЙ, заслуженный артист БССР:

— Актерская труппа в нашем театре всегда была сильной. Грех жаловаться и на главных режиссеров. Эльстона, Орынянского мы знали большими художниками. Несколько лет труппу возглавлял Попов — с крутым характером человек, но с интересной творческой программой. Потом пришел Крючков. И целых десять лет, исподволь, разваливал то, что создавали его предшественники. С бутылкой шли к нему молодые актеры, чтоб роль получше заполучить... Не молчали мы, старики. Не счесть моих выступлений на партийных собраниях. Но ему все почему-то сходило с рук. Его — непостижимо! — поддерживали и в областном управлении, и в Министерстве культуры. И долго вот так относились к нашему гласному неприятию зла... Пришлось нам в добровольно-принудительном порядке уйти на пенсию.

Нина Алексеевна КОРНЕЕВА, заслуженная артистка БССР:

— Тридцать лет жизни отдала я своему театру. Потому, как вы сами понимаете, нелегко мне говорить сейчас о его давно затянувшейся хвори. И главная причина тут, наверное, не в самом театре, а в лекарях... Работа с нашими руководящими кадрами руководящих товарищей из Министерства культуры республики, мягко говоря, желает быть лучшей. Пожар сподручней бы упреждать, нежели гасить, когда пламя уж не унять... Ну ладно, спохватились спустя годы с Крючковым, выпроводили. Но вот назначили нового главного режиссера — Пименова. Представил он себя по меньшей мере Станиславским, мы, актеры, что называется, с чистого листа приняли его. А как могли знать, что человек он совершенно случайный? Ну мы не знали, а те, кто его назначал? Они-то должны были знать... Два года назад пришел новый директор — Александр Григорьевич Артемов. Театр он знает поверхностно, до того работал директором Дворца культуры. И, естественно, в новой для себя обстановке не смог сразу разобраться, решил во всем поддерживать Пименова. Все кончилось партийным собранием, на котором коммунисты выразили недоверие главному режиссеру и директору. Первый ушел, второй остался. Сейчас у нас новый главреж — Геннадий Ефремович Примак. Опять с чистого листа... Может, на сей раз повезет?

Владимир Петрович ТКАЧЕНКО, актер:

— Чехарда с главными режиссерами никак не затормозится... В республике свой театральный институт, а на профессию эту — дефицит! Ну а Министерство культуры БССР, знай, варягов шлет. И нет, чтоб семь раз отмерить... Отрежет — потом примеркой занимается: прогорит — выпроводим. А у варягов известно: не успеет обосноваться в высоком кресле, давай трясти труппу — этого убрать, этого под сокращение, с прежнего места работы варяжат тянет... Если у главного режиссера нет своей выношенной и продуманной идейно-творческой программы, если не дано ему умение руководить людьми, — на пушечный выстрел такого нельзя подпускать к театру. Почему же у нас иное возможно — кто ответит?!. Не то внимание, на мой взгляд, оказывают театру областные руководящие органы. Не говорю об управлении культуры облисполкома: фраза зам. начальника «Зарубите себе на носу!» — стала нарицательной в театре. Разве ж так можно разговаривать с творческими работниками!

Александр Григорьевич АРТЕМОВ, директор театра:

— Труппа отвыкла работать. Здесь утвердились благодушие, круговая порука, бесконтрольность. Пил режиссер, пили актеры. Единственно, чего я добился, отучил от этого. Освободились от собутыльников. Надо было формировать труппу. Мы с Пименовым допустили ошибку, обратившись с письмом в Центральный райком партии — об актерах, которые мешают... Райком решил обсудить письмо в коллективе, и все обернулось тем, что обсуждали действия директора и главного режиссера. Секретарь партийной организации не способствовал нормализации обстановки.

Тамара Константиновна ХАРИТОНОВА, заместитель редактора областной газеты «Гомельская правда», театровед:

— Поставили чеховский спектакль. Я посмотрела, ужаснулась: опять смех любой ценой! От Чехова почти ничего не осталось. Написала рецензию, однако в газете она не появилась. Влиятельный работник обкома партии посоветовал «Не ко времени. В театре и так сложное положение, не надо обострять». Но... когда вспыхнул такой пожар, что потребовались чрезвычайные меры, газета выступила с большой критической публикацией. В театре статью восприняли в штыки, Министерство культуры БССР, несмотря на наши неоднократные напоминания, никак вообще не отреагировало на выступление газеты.

Валерий Павлович СМИРНОВ, актер, секретарь партийной организации:

— Из создавшейся ситуации я вижу один выход: загрузить людей работой — интересной, творческой. Ведь когда актер не работает, возникают проблемы... В последнее время замучили комиссии с проверками. Мы то и дело отвечаем на всевозможные запросы, заявления, анонимки. Контролировать, конечно, надо, но пора бы и помочь нам создать условия для нормальной творческой работы внутри коллектива. Пока же у нас принижен авторитет партийной организации. Партбюро, дирекция, худсовет должны решать все вопросы совместно...

Геннадий Ефремович ПРИМАК, главный режиссер театра:

— Кто здесь будет помогать и кто будет мешать — меня эти проблемы не волнуют. Ошибка моего предшественника: еще не имея никаких прав, он начал размахивать руками... Вот просится из Куйбышевского театра один крепкий актер. Но у нас сейчас нет ни одного вакантного места. И прежде чем освобождать это место, нужно понять, от кого освобождаться...

ВОСЕМЬ рассказов, восемь криков души, записанных мною на магнитофонную ленту, помогли, несмотря на противоречивость отдельных фрагментов, увидеть всю картину — неприглядную, тревожную.

И была еще одна беседа, девятая, — с секретарем обкома партии С. П. Бобырем. Сергей Павлович подтвердил всю неприглядность ситуации, сложившейся в театре. Мы говорили и о бледненьком репертуаре, и о далеко не творческой атмосфере, и о причинах, расколовших труппу... Как говорится, было полное совпадение взглядов. Кроме, как выяснилось в конце разговора, одного. Сергей Павлович попросил: «Не надо бы сейчас писать обо всем этом: не ко времени. Давайте подождем, пусть новый главный режиссер поработает, выправится положение...»

Опять «не ко времени»!

Не мог я согласиться с этим, о чем и сказал Сергею Павловичу.

Не согласился, но и... писать не стал. Почему? Однозначно и сам себе вряд ли сейчас отвечу. Наверное, потому, что заворожила вот эта уверенность: обком знает, обком выправит положение.

Прошел год. Выправлено положение? Отнюдь, конфликты продолжают терзать театр.

В начале нынешнего года в Минске состоялся съезд Союза театральных деятелей республики. В прениях среди других выступила заслуженная артистка БССР Корнеева. Говорила Нина Алексеевна резко, хлестко о положении в театре. Потом я услышу категорическое мнение влиятельного товарища из Министерства культуры БССР: не та позиция!

Откровенно говоря, мне тоже выступление Нины Алексеевны показалось излишне резким, каким-то намеренно хлестким, явно со сгущением красок. Будто двигала ею личная обида.

Действительно, как выяснил я позже, была обида. А вот позиция... Почему «не та»! В своем выступлении актриса ставила вопросы о главном режиссере Примаке, на которые никто из руководителей министерства не смог — или не захотел! — ответить. Она говорила, что послужной список Геннадия Ефремовича никак не объясняет его приглашения в Гомель на столь ответственную творческую должность. Ассистент режиссера, стажер-режиссер, режиссер народного театра, воспитатель общежития, художественный руководитель ансамбля песни и пляски, временно по трудовому соглашению режиссер... За двадцать с лишним лет — двенадцать мест работы, по сути, почти ни одной самостоятельной сценической постановки, признанной удачей, и вдруг такое доверие — главный режиссер...

Вскоре после съезда СТД БССР в Гомель для ознакомления с новыми постановками театра выехали главный редактор репертуарно-редакционной коллегии Управления театров и музыкальных учреждений Министерства культуры БССР В. Володько, театроведы Т. Орлова, К. Кузнецова. Просмотрено пять спектаклей: «Диктатура совести» М. Шатрова, «Вечер» А. Дударева (режиссер Г. Примак), «Он и она» А. Штейна (П. Бойко), «Месье Амилькар, или Человек, который платит» И. Жамиака (Я. Натапов), «Мачеха» О. Бальзака (В. Бартосик).

На собрании труппы театроведы весьма доброжелательно и взыскательно проанализировали эти постановки. Было с отрадой отмечено, что главный режиссер Г. Примак стремится формировать репертуар за счет остросоциальных современных пьес (кроме двух вышеназванных, он поставил еще «Последний посетитель» В. Дозорцева). Вместе с тем режиссура его подверглась довольно острой критике. Анализ постановок дан в печати — в еженедельнике «Літаратура і мастацтва». А вот о реакции на эту критику хотелось бы сказать особо. Г. Примак начисто ее отверг. Полностью, до единого замечания! Можно бы, конечно, и так поставить вопрос: режиссер имеет право соглашаться или не соглашаться с критикой. Но как-то бы, наверное, и уважать ее надо. Не согласен — докажи, обоснуй свою правоту. Вместо этого он отверг и... положительную оценку постановки «Месье Амилькар...» режиссера Я. Натапова.

Как потом прояснилось, дело было не в постановке, а в постановщике. Но об этом — чуть позже.

Такое скоропалительное отношение к критике я поначалу отнес на счет характера главного режиссера, его горячности. Оказалось, нет, не в горячности дело. Это — позиция.

Год назад тоже вот так приезжала из Минска группа театральных критиков, смотрела спектакли и тоже высказала ряд критических замечаний, в частности, в адрес режиссуры Г. Примака по постановке «Последний посетитель». Геннадий Ефремович поначалу просто отмахнулся: «Из Минска театроведов впредь не приглашать!» А назавтра взялся за перо, сочинил гневное письмо в высокие партийные и советские инстанции. Письмо пригласил подписать директора театра, секретаря партбюро и председателя профкома. Последние двое отказались сделать это.

«Нельзя всерьез, — говорилось в письме, — принимать за анализ умышленное критическое несогласие в адрес театра над спектаклем по пьесе В. Дозорцева «Последний посетитель», посвященного XXVII съезду партии, на переломном этапе определившего ясность творческих намерений театра как в остро социальной ориентации выбора репертуара, так и в его творческой реализации».

Оставим в стороне сомнительной грамотности стиль письма. Но почему такой оскорбительный тон?

О теперешнем конфликте с критикой Г. Примак не стал писать в высокие инстанции. Обратился непосредственно — вместе с директором театра приехал в Минск: «Не ту позицию заняли!» А критикам, как и актерам театра, заявил: «Приглашу вот Бориса Любимова из Москвы». Как же это понять — для обслуживания личных амбиций? Желание иметь персонального ценителя своих постановок? Думается, столь болезненная реакция на справедливую критику свидетельствует о серьезном недуге, который, скажем так, противопоказан истинному творчеству.

В Гомель отправляется еще одна серьезная комиссия, в составе которой секретари Союза театральных деятелей БССР — главный режиссер театра имени Я. Купалы В. Раевский, драматург А. Дударев. Смотрят спектакли. И оценивают их так же, как и театроведы накануне.

Не прошло и месяца — новый конфликт. Режиссер Я. Натапов выпускает спектакль по пьесе Э. Радзинского «Спортивные сцены 1981 года». Главный режиссер Г. Примак не принимает постановку.

Использует право контроля! Главреж подписывает афишу и отвечает за художественное состояние театра... Но почему запрет, а не помощь!

И еще заметим: всегда ли должно быть полное единомыслие у главного и очередного режиссеров? Пусть рядом работают художники, не схожие по творческому поиску, по стилю, по темпераменту. Но, жаль, в данном конфликте, как видно, не творческие вопросы решались. Художественный совет театра большинством голосов принял постановку «Спортивные сцены...». И тогда Г. Примак заявил: «В таком случае я снимаю свое имя с афиши».

На повторное заседание художественного совета стали вызывать актеров и требовать (!) ответа: как ты оцениваешь работу постановщика, помогал ли он тебе в работе над ролью, как ты относишься к конфликту Я. Натапова с администрацией и с актрисой, назначенной на роль в этом спектакле волевым решением администрации!..

Подобные «взаимоотношения» главного и очередного режиссеров всегда таят в себе опасность вовлечения в орбиту конфликта чуть не всей труппы, которая, как правило, раскалывается, и тут уж бывает трудно отличить правых от неправых.

Конфликт стал достоянием общественности, и «Гомельская правда» справедливо поставила вопрос: «Почему нет праздника премьеры?» Главный режиссер сгоряча — опять сгоряча! — побежал в редакцию, стал угрожать газете судом...

Я невольно вспомнил слова Геннадия Ефремовича в нашей первой беседе: «Кто здесь будет помогать и кто будет мешать — меня эти проблемы не волнуют». Тогда думалось, человек просто оговорился...

По штатному расписанию — в театре два очередных режиссера: выпускник Белорусского театрально-художественного института Я. Натапов и уже довольно опытный В. Бартосик. В самом начале своей деятельности главный режиссер Г. Примак заявил на собрании труппы, что с ними работать не будет: не тот творческий уровень!

Для справки: нынче за творческие достижения в режиссуре Я. Натапов вместе с народным артистом СССР В. Елизарьевым становится лауреатом Союза театральных деятелей БССР.

Шаг, который предпринял Геннадий Ефремович, заставляет думать, что вовсе не творческий уровень режиссеров волновал его. Летом прошлого года, когда театр был на гастролях в Сухуми, даже не поставив в известность директора, партбюро, он приглашает из Харькова знакомого артиста П. Бойко и тотчас дает ему... режиссерскую работу. И тот буквально за десять дней ставит спектакль.

Секретарь партийной организации В. Смирнов рассказывает:

— Мы узнали об этом только в Сухуми. Я сразу же собрал партбюро, вынесли вопрос на собрание и обязали директора, коммуниста Артемова прекратить это беззаконие. Вроде бы точку поставили... Но беспартийный Примак обратился в обком: менять надо парторга и бюро, мешают нормально работать.

Артист П. Бойко ставит второй спектакль, третий, четвертый. А штатный режиссер В. Бартосик вот уже год в «простое». На мой вопрос директору театра: как же так, человек в течение года по существу отстранен от работы, а зарплату регулярно получает, Александр Григорьевич только и сказал: «Да, что-то предпринимать надо...»

А может, не из государственного кармана платить? Быстрее бы выход из этой «необъяснимой» ситуации нашли.

Конфликты, конфликты... Несть им числа, и конца им не видно. А главное, не видно, кто бы мог положить конец. В прошлую нашу встречу Валерий Павлович Смирнов верно сказал: «Партбюро, дирекция, худсовет должны решать все вопросы совместно, а не как лебедь, рак и щука». Как раз согласья-то между ними и нет! Худсовет номинально возглавляет директор театра. Спросил Александра Григорьевича, кто в совете представляет общественность. Он назвал нескольких работников райкома, обкома партии, управления культуры облисполкома. Однако названные товарищи — это должностные лица, которые и по долгу службы обязаны заниматься жизнью театра. А вот действительных представителей общественности — ни одного! И неудивительно — творческое содружество с подшефным «Гомсельмашем» еле-еле теплится.

— Если б выше был авторитет парторганизации, — сетует парторг. — У артистов нет веры, что в театре во всем могут разобраться. Кстати, после ухода из коллектива ветеранов сцены в партийной организации осталось лишь восемь творческих работников, тринадцать — из вспомогательных цехов... Чуть что — человек обращается во всевозможные инстанции. Вот, скажем, один из последних конфликтов — актрисы Корнеевой с главным режиссером Примаком. Ведь Нина Алексеевна не в партбюро, а в управление культуры, в райком, в обком обратилась, на съезде Союза театральных деятелей поднялась на трибуну...

Суть этого конфликта я уже знал. Геннадий Ефремович репетировал «Вечер». И принес на репетицию, и знакомил актеров с сомнительным документом (такие машинописные манускрипты ходят по рукам не только в Гомеле). Нина Алексеевна возмутилась, сказала, что подобные «документы» отношения к пьесе А. Дударева не имеют. Геннадий Ефремович вывесил для всеобщего обозрения распоряжение: «За грубейшие нарушения профессиональной этики и профессиональной дисциплины, выразившиеся в вынесении на общественное обсуждение, без уведомления об этом меня, вопросов внутреннего, интимного процесса работы над ролью и спектаклем, а также за предумышленное информирование директора театра о социальном, методологическом, творческом и политическом смысле работы над спектаклем... актриса Корнеева Н. А. мною от репетиции отстранена».

— В конце концов мы рассмотрели этот конфликт на партбюро, — заключил Валерий Павлович. — И приняли решение обязать директора поправить главного режиссера, ввести актрису в спектакль.

Директор вроде бы согласился с решением партбюро, вывесил приказ. Но приказ этот остался, грубо говоря, клочком бумаги. В программках спектакля «Вечер» Н. А. Корнеева значится исполнительницей роли Ганны, а в спектакль так и не была введена. Заслуженная актриса подала заявление об уходе из театра...

Вот как обернулось «выполнение» решения партбюро! Решили и забыли... Можно ли так поднимать в коллективе авторитет партийной организации? А еще после этого директор театра коммунист А. Г. Артемов и главный режиссер Г. Е. Примак утверждают, что, дескать, секретарь парторганизации артист В. П. Смирнов не в ногу шагает, непозволительно вмешивается не в свои дела...

«Одна из основных обязанностей партийной организации — забота о поддержании хорошей нравственной обстановки в коллективе, борьба с проявлениями премьерства, эгоизма, претензиями на художественный диктат и другими нарушениями этики...». Партийное бюро обязано оказывать влияние на творческий процесс, деятельность художественного совета, формирование труппы и рациональную занятость артистов, на выбор пьес и их идейно-художественное воплощение на сцене... Активнее использовать право контроля деятельности администрации...»

Так четко и ясно сформулированы права и обязанности коммунистов — мастеров сцены постановлением ЦК КПСС «О работе партийной организации Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы». Всецело это относится и к партийной организации Гомельского областного драматического театра. Только бы умело и правильно воспользоваться этими правами и обязанностями. Тогда бы и авторитет не падал так, тогда бы, думается, и конфликтов поубавилось. А если вспыхнет какой ненароком, легче станет гасить.

Центральный райком партии Гомеля, обком партии, знаю, не стоят в стороне от горестей и бед областного театра, не оставляют без внимания многие конфликты в его стенах. Но, мне кажется, не разбираться бы им всякий раз в этих конфликтах по отдельности, а помочь по-настоящему становлению авторитета первичной партийной организации, которая и обязана заботиться о поддержании нормальной творческой обстановки в коллективе.

Пока готовился к печати этот материал, в редакцию пришли новые письма из Гомеля. Секретарь парторганизации артист В. П. Смирнов подал заявление об уходе из театра. «По собственному желанию».

Р. ЕРОХИН.